

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Балашова Л.В.
Саратов, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ *ВЛАСТИ* В СОЦИОМОРФНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И СЛЕНГОВОЙ МЕТАФОРЕ (сопоставительный аспект)

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье дан анализ концептуального представления о власти в метафорической системе русского языка. Выявлены основные метафорические модели власти. Установлена специфика их реализации в истории русского литературного языка и в современном сленге.

Ключевые слова: власть, концептуальная модель, метафора, литературный язык, сленг.

Сведения об авторе: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Контактная информация: E-mail: balashova53@yandex.ru.

Balashova L.V.
Saratov, Russia

CONCEPTUALIZATION OF *AUTHORITY* IN SOCIOMORPH LITERARY AND SLANG METAPHOR (comparative aspect)

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article analyzes the conceptual notions of power in the metaphorical system of the Russian language. The basic metaphorical models of authority have been analyzed. The specificity of their realization in the history of the Russian literary language and modern slang has been stated.

Key words: authority, conceptual model, metaphor, literary language, slang.

About the author: Balashova Lubov Viktorovna, Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics, Professor.

Place of employment: Saratov State University.

ВЛАСТЬ – один из ядерных социально-культурных концептов в языковой картине мира – представляет собой левый член иерархической оппозиции («верхи» / «низы»; «имущие» / «неимущие» и т.п.) и обладает сложной, многоуровневой структурой. Его концептуальным ядром являются признаки – (1) 'право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л.'; (2) 'право и возможность влиять на социальное, имущественное и др. положение кого-л.'. Такими функциями обладает целый ряд властных структур:

- привилегированные слои общества (*аристократ, барин, господин*);
- правящие верхи (*олигарх, плутократ, номенклатурщик*);
- верховные правители (*государь, правитель, тиран, император*);
- законодатели (*депутат, парламентарий*);
- высшие должностные лица (*президент, канцлер, губернатор*);
- должностные лица – по отношению к остальному населению (*префект, управленец, аппаратчик*);
- служащие в органах правопорядка, надзора, судопроизводства, учета и распределения – по отношению к остальному населению (*милиция, судья, следователь, шериф, инспектор, контролер*);
- руководитель предприятия, учреждения (*директор, управляющий*);
- администраторы, управляющие, старшие по должности (*декан, звеньево́й, комендант, управдом*);

- старший по положению; тот, кто стоит во главе какой-л. организации, группы, направления (*лидер, предводитель, председатель, атаман*).

- социально-экономическая элита (*банкир, магнат, фабрикант*);

- социально-общественная, культурная элита (*авторитет, столпы общества, городские тузы*).

Кроме того, внутри отдельных социальных групп властными функциями и полномочиями наделяются их отдельные представители (ср.: *отец* – в традиционной семье; *учитель* – в коллективе учащихся; *священник, падре, гуру* – в среде верующих).

Сложность концепта ВЛАСТЬ усиливается тем, что при его реализации могут актуализироваться различные признаки, указывающие на природу и степень влияния властных структур (и их представителей) на отдельного человека и общество в целом (ср.: право, финансы, физическая и военная сила, духовное, идеологическое и эмоциональное влияние).

Характерной особенностью реализации данного концепта является регулярное использование метафорических средств (ср.: [Балашова 1999; 2001; 2002; 2004; 2009; Баранов 1991; 2004а, 2004б; Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев, Чудинов 2005; 2008; Чудинов 2001, 2003а; 2003б; 2005; Шейгал 2004]). В частности, исследователи отмечают, что к числу наиболее устойчивых источников формирования концептуальных моделей относятся странственная метафора, метафора обладания, социоморфная метафора. Именно последняя стала объектом исследования в данной работе.

Как показал анализ словарей русского литературного языка и сленга, социоморфная метафора регулярно используется при именовании властных структур как в литературном языке, так и в сленге, причем в самой частотности таких номинаций есть ряд особенностей.

По мнению большинства исследователей, основные функции метафоры – характеризующая и эмоционально-экспрессивная. Именно поэтому в литературном языке переносные значения практически не встречаются в официальных терминосистемах (ср. номинацию должностных лиц, законодателей и др.). Напротив, регулярно (особенно в публицистике и разговорной речи) социоморфная метафора фиксируется при именовании, с одной стороны, неофициальной – экономической, общественно-политической, идеологической и культурной – элиты (ср.: *нефтяной / газетный ко- роль; кумир молодежи; властитель сердец / умов / судеб*), с другой – руководителей, официальных лиц, оказывающих непосредственное влияние на жизнь народных масс (правители, чиновники) и/или подчиненных (ср.: *отец народов; местные сановники; царские са- трапы*).

При формировании многих переносных значений в данной семантической сфере в литературном языке регулярно полностью или частично нейтрализуются различия между типами властных структур. Например, существительное *хозяин* в значении 'полновластный распорядитель' может быть отнесено к правителю, чиновнику, руководителю трудового коллектива и лицу, способному оказывать временное или постоянное экономическое, интеллектуальное, эмоциональное и другое влияние на кого-л. (ср.: *Хозяин* (о Сталине, о любом начальнике); *отец – хозяин в доме; хозяин положения*).

Современный сленг (этим термином мы именуем внелитературные социальные идиомы) также регулярно использует социоморфную метафору (по данным словарей, записей устной речи и Интернет-коммуникации – около 400 единиц), причем здесь есть как общее, так и специфическое в сравнении с литературным языком.

С одной стороны, в переносных значениях наблюдается регулярная полная или частичная нейтрализация различий между типами властных структур (ср.: *барин* – 'начальник; руководитель'; *са-трап* – 'любой руководитель'), а с другой, – метафорическое именование таких структур может быть более дробным и последовательным, чем в литературном языке.

В частности, в уголовном арго наиболее разработанными являются подсистемы «Лидеры преступных группировок» и «Представители правоохранительных органов и охранные структуры в местах заключения» (ср.: *дири- жёр* – 'комендант в ИТУ'; 'главарь группировки рэкетиров'; *дворник* – 'прокурор'; *вождь* – 'на-

чальник отряда в ИТУ'; *казак* – 'вожак преступной группы; вожак среди арестантов'). В военном жаргоне чаще всего таким способом характеризуют «Командный состав вооруженных сил» (ср.: *Иван Грозный* – 'комбат'; *папа* – 'командир части'). В сленге автомобилистов так именуют представителей ГИБДД (ср.: *мастер / оператор машинного доения, гоблин, соловей, соловей-разбойник*).

Наиболее разнообразной сфера ВЛАСТИ оказывается в молодежном, школьном и студенческом жаргонах, ср.:

- «Преподавательский состав» (ср.: *Гарри Поттер, пастух, чабан, Мюллер* – 'директор школы'; *дуче* – 'строгий дежурный учитель'; *жандарм, скрипка* – 'учитель; классный руководитель'; *пастух, указка* – 'воспитатель'; *инкви- зитор* – 'преподаватель-экзаменатор'; *мазай* – 'ректор'; *бункер, явка* – 'деканат');
- «Милиция» (*мушкетер, ряженный, са- нитар джунглей* – 'милиционер');
- «Контролер в общественном транспорте» (*стюардесса, контра* – 'кондуктор- контролер');
- «Авторитетный, уважаемый человек» (*автор, весовой, солидол, старая гвардия, бо- бер, полкан, бык*).

В целом, в общем жаргоне и отдельных видах социальных идиом самой продуктивной в плане формирования социоморфной метафоры оказывается тематическая группа «Представитель правоохранительных органов» (более 60% от общего числа рассмотренных сленговых единиц).

Менее регулярно (до 20 единиц) с помощью социоморфной метафоры в сленге именуются руководители трудовых коллективов и неформальных объединений (*бойрин, воевода, дирижер*), а также представители законодательной и исполнительной власти всероссийского и регионального уровня (*базар фуфло- мётов* – 'Государственная Дума'; *пайковый* – 'относящийся к номенклатуре, элите, правительству'; *скоморох* – 'депутат Государственной думы'; *нарком, пастух, туз* – 'высокое должностное лицо'). Примерно с той же продуктивностью представлены обобщенные именованья чиновника (как непосредственного представителя власти на местах, от которого зависит судьба гражданина – *Швондер, гробовщик*), а также старшего поколения в семье (в основном – отца, реже – матери: *спонсоры* – 'родители'; *пахан* – 'отец'; *паханка* – 'мать').

Властные функции могут закрепляться за мужем и женой, причем в последнем случае признак финансовой власти выходит на первый план (*таможня, финансовый директор* – 'жена'). В целом номинации лица, от которого под- властный зависит экономически и с которым его связывают личные (обычно сексуальные и навязываемые) отношения, представлены единичными примерами (*папик, хозяин* – 'богатый

любовник; покровитель'). Показательно, однако, что ни разу в современном сленге не зафиксировано социоморфных метафор, характеризующих представителей церкви (по отношению к верующим) или лиц, оказывающих идеологическое, морально-этическое влияние на кого-л. Данный аспект «властных» отношений в обществе для носителей всех видов социальных идиомов оказывается неактуальным.

С точки зрения продуктивных источников и концептуальных моделей метафоризации, в литературном языке и современном сленге также обнаруживаются общие и специфические черты. В частности, уже в древнерусском языке в пределах социальной макро модели властные структуры концептуально способны продуцироваться как левый член оппозиции в рамках лексики родственных связей (*старшие – младшие родственники*); военной лексики (*победитель – побежденный*); лексики социальной зависимости (*властитель – подвластный, независимый – зависимый*).

Наиболее стабильным среди них является первый вариант – модель иерархических отношений в пределах СП родственных связей. В целом представление о семье как об основе всяких иных отношений между людьми отмечается целым рядом исследователей [Трубачев 1991: 25; Степанов 2001: 555–562; Колесов 1986: 40–42]. Уже в XI – начале XV в. члены СП регулярно характеризуют межличностные, идеологические, межгосударственные отношения на основе аналогии с родственными связями. В метафорическом значении это обуславливает ядерное положение такого компонента, как 'близость, единство' властителя и подвластного: младшее поколение добровольно признает ведомый, зависимый от старших характер отношений, тогда как старшее поколение воспринимается как правитель, покровитель, духовный учитель (ср.: *Имѣти вамъ мене собѣ отцемъ, а мнѣ великому князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти, безъ обиды*. Гр 1433). При этом руководство «отца» может быть связано не только заботой о подвластных, но и со строгим надзором за ними, тогда как «мать», напротив, только оберегает и не способна на наказания (*и рече Олегъ се [Киев] буди мати градомъ русскими*. ЛЛ 1377, 8). Функцию «отца» может выполнять также «муж» – по отношению к «жене» (зависимое положение). В древнерусском языке наиболее устойчиво данный вариант родственной концептуальной модели власти реализуется при указании на княжескую или церковную власть (ср.: смерть князя или первосвященника ассоциируется с «вдовством»: *К сему же не имѣнии отца твоего погубихъ. бѣдою вдовственою. и трѣбовании многа ради. нъ и цѣло снабдѣхъ*. ПрЛ XIII: 69а)).

Характерная особенность данной модели – тенденция к терминологизации ее членов, что проявляется уже в XI–XVII вв.: например, обра-

щение *отец, батюшка, мать, матушка* – по отношению к сильным мира сего: к покровителям; к отцам веры и отечества; к предводителям, чья власть признается добровольно. Так, в документах по разинскому восстанию регулярно фиксируются обращения *батюшка, батько* (*Да пожаловать бы вамъ породѣть за дом пресвятыя богородицы.., и за батюшку за Степана Тимофѣевича, и за всю православную Христианскую вѣру*. Разин 1670: 311).

В диахронии родственная концептуальная модель власти чрезвычайно стабильна и пополняется новыми членами (их немного, поскольку в целом это СП – закрытая система). В русском литературном языке XX – начала XXI в. она наиболее востребована в политическом дискурсе. Показательно, что при использовании новых членов метафоризация базируется на системе отношений, присущих традиционной русской семье: например, *мачеха* и *свекровь* – о несправедливой и склонной к агрессии власти (ср. о власти периода Перестройки: *Москва для Риги – свекровь, а не мать*). Сохраняется также тенденция к терминологизации (особенно в советский период): *старший брат* – о русском народе по отношению к другим национальностям СССР; *отец народов* – о Сталине). Сейчас подобные номинации обычно используются иронично: *Уж не предлагаете ли вы рухнуть на колени и взмолиться: “Владимир Владимирович, на кого ты нас, Царь-батюшка, покидаешь?”*.

В современном сленге родственная концептуальная модель власти чрезвычайно продуктивна в двух основных функциях. С одной стороны, это терминологическое обозначение лидера неформального закрытого объединения (ср.: в уголовном арго *мама* – 'женщина – глава преступной группы'; 'содержательница притона'; в военном жаргоне *дед* – 'старослужащий'). Наиболее системно такая модель востребована в уголовном арго. Например, судебный процесс осмыслен как обряд крещения или венчания: *крестный* – 'прокурор'; 'следственный или судебный орган'; *кум* – 'оперуполномоченный'; *сват* – 'сотрудник милиции'; *шафер* – 'присяжный / народный заседатель'; *венчать* – 'судить'. С другой стороны, это шуточно-ироничное обозначение начальника или контролирующего органа, чье отношение к подчиненным вряд ли отличается душевностью и снисходительностью (ср.: студенческом жаргоне *мама* – 'женщина-декан'; 'женщина-ректор'; в молодежном жаргоне *лапка* – 'милиционер'; в офисном сленге *отец народов* – 'об авторитарном руководителе').

Вторая социоморфная модель власти связана с использованием СП вооруженного конфликта (оппозиция: *победитель – побежденный*). В отличие от первой модели, основой для формирования метафор становятся признаки противоборства и активности (агрессивности) в отстаивании позиции лидера. С древ-

нерусского по современному русскому языку наиболее активно по этому принципу переносные значения формирует глагольная лексика (*завоевать, покорить, выиграть, пленить* и др.), причем в памятниках XI-XVII в., как правило, речь идет о власти идеологической и этической, о религиозных убеждениях (*Како покорити хужьшее лоучьшимъ*. ЖФСт XII: 170), хотя возможно указание и на лидерство в семье, коллективе и т.п. (ср.: *Мнози убо въ домъхъ рати имуть, да овъ отъ жены рать имать, овъ же отъ чадъ полоняемъ есть*. Изб 1073: 69). В современном русском литературном языке с помощью членов данного СП могут выражаться все возможные типы «властных» ситуаций (ср.: *покоритель сердец; политические временщики*), но в политическом дискурсе данная лексика приобретает терминологические черты при указании на выборы (в законодательные органы, на высшие исполнительные должности): *партия побеждает на выборах; представитель партии завоевывает власть* и т.д. Возможно, именно это становится причиной того, что в современном сленге данная концепция власти практически не представлена.

Третья (самая многочисленная и разнообразная) социоморфная модель также формируется за счет лексики социальной зависимости на базе оппозиций: *властитель – подвластный, независимый – зависимый*. Принцип развития производных значений достаточно однотипен: власть ассоциируется с независимым, обладающим социальными, экономическими привилегиями членом социума, а перенос связан с изменением приложения исходной ситуации. Так, наиболее стабильными в диахронии оказываются следующие варианты данной модели:

(а) социальная элита → экономическая / идеологическая элита или лидерство в межличностных отношениях (*властитель дум; домашний диктатор; король положения; царица бала*);

(б) экономическая элита → политическая / идеологическая и др. элита (ср.: *хозяин положения; байские замашки советской номенклатуры; крепостники* – о власти КПСС в деревне в СССР);

(в) социальная / экономическая элита в одном типе общества → социальная / экономическая / идеологическая элита или лидерство в межличностных отношениях в другом (удаленном во времени и/или в пространстве) типе общества (*царские сатрапы*).

Достаточно стабильным во времени оказывается ценностный компонент переносных значений. В частности, верховная наследственная власть, освященная церковью, обычно получает положительную оценку (о сакрализации монарха в России см. в работе: [Живов, Успенский 1987: 47-153]), тогда как власть, полученная в результате переворотов, завоеваний, – отрицательную; выборная власть и экономические

привилегии могут оцениваться как нейтрально, так и со знаками «+» и «-» (ср.: *феодал, рабовладелец, законодатель*).

В то же время именно в современном литературном русском языке значительно увеличивается продуктивность использования номинаций завоевателей, властителей недемократической ориентации, власть имущих в целом с позиции низших, подчиненных слоев, то есть с пейоративной оценочностью. При метафоризации актуализируются такие личностные качества, как пристрастие к насилию, корыстолюбие или отсутствие привычки к физическому труду (ср.: *сатрап, диктатор, тиран, феодал, барчук, барыня, министр*).

Данный процесс может идти постепенно. Так, члены гнезда *барин* в XIX в. в переносных значениях могут содержать как пейоративную, так и мелиоративную оценку. В частности, В.И. Даль так определяет переносное значение существительного *барство* – ‘все общие барские качества, по себе взятые; хлебосолюство, тороватость, властолюбие, тщеславие, спесь’ [Даль I: 49]. В советский период происходят изменения не только в системе прямых, но и переносных значений. На первый план выходит отношение человека к труду, и все лексемы приобретают ярко выраженную негативную оценочность (ср.: *барин, барич* ‘о человеке, который уклоняется от труда’). Подобную историю претерпевают и слова из СОГ *буржуа*, фиксируемые в словарях с XIX в.

Указанные особенности ярко проявляются в современном политическом дискурсе. (ср.: *Дикий капитализм породил племя региональных феодалов и барчуков*), причем самыми востребованными при характеристике современной власти со стороны оппозиции оказываются социальные системы античного рабовладельческого общества и российской монархии. Естественно, использование такого рода метафор имеет негативный (иронический и саркастический) характер: *Как только мы поменяем конституцию, произойдет обычная боярская аппаратная перестановка структур, мы потеряем гигантское количество социального времени; Путин – царь и всея Руси-Малороссии; Да сейчас каждый собственник, хоть самой захудалой парикмахерской, фотосалона, – рабовладелец!*

В современном сленге это также самая многочисленная и разнообразная метафорическая подсистема, функционирующая во всех типах социальных идиомов (ср.: *король* – ‘главарь шайки преступников’; ‘содержатель притона’; лидер какого-л. коллектива; уважаемый, авторитетный человек (во дворе, в школе, в районе и т.п.); *барин* – ‘начальник ИТУ’; ‘руководитель, начальник’; *барон* – ‘участковый инспектор милиции’; *бонза* – ‘шеф, руководитель’; *боярин* – ‘главарь воровской группировки’; *вельможа* – ‘начальник УВД, ОВД’; *император* – ‘глава крупной компании’; ‘начальник

ИТУ'; 'руководитель'; *помещик* – 'директор совхоза'; 'арендатор'). Наиболее регулярно с помощью этой группы лексики называют крупных чиновников, карательные и контролирующие органы, а также лидеров внутри коллектива. Как и в литературном языке, востребованной оказывается терминология российского монархического государства, хотя в целом источники метафоризации в сленге более разнообразные.

В частности, регулярно используется терминология современных государственных систем (*президент* – 'главарь преступной группировки'; 'лидер компании'; *министр финансов* – 'жена'); других эпох и стран (ср.: *богдыхан* – 'начальник ИТУ – уроженец Кавказа или Средней Азии'; *брамин* – 'начальник ИТУ'; 'шеф, руководитель'; *инквизитор* – 'экзаменатор'). Характерная особенность сленга – номинация властных структур различного типа с помощью антропонимов (ср.: [Балашова 2006]), причем это могут быть имена знаковых исторических фигур прошлого и настоящего, а также имена культурных феноменов – героев классической литературы, культовых фильмов и книг (ср.: *Борман* – 'начальник ИТУ'; 'завуч по воспитательной работе'; *Путин местного разлива* – 'губернатор; мэр'; *Бонд* – 'Борис Николаевич Ельцин'; *марксы* – 'родители'; *салтычиха* – 'авторитарный руководитель – женщина'; *швондер* – 'бюрократ; чинуша').

Показательно, что наибольшей продуктивностью обладает лексика, связанная с карательными органами сталинского периода в СССР и с фашистской Германией (*Мюллер* – 'начальник оперчасти ИТУ'; 'директор школы'; *фюрер* – 'жестокий авторитарный руководитель'; *особая тройка* – 'О комиссии преподавателей, принимающей последнюю передачу перед отчислением студента').

В Новое время (особенно с конца XIX в.) постепенно оформляется еще один вариант социоморфной модели, связанный с развитием промышленного производства. Некоторые профессии (должности) воспринимаются как привилегированные, другие – как не престижные, что создает основу для формирования метафор власти. Однако в языке такого рода переносов закрепляется немного. Самой устойчивой является театральная метафора, где властные функции закрепляются за такими профессиями (и должностями), как *кукловод* в театре марионеток, *дирижер* и *первая скрипка* – в оркестре, *режиссер* – в театре.

В сленге это устойчивый способ номинации власти (*дирижер* – 'начальник ИТУ'; 'главарь, вожак'; 'лидер'; *жандарм* – 'классный руководитель'; *лесник* – 'прокурор'; *мельник* – 'содержатель притона'; *пастух* – 'начальник'; 'конвоир'; 'работник милиции'; 'директор'; *пасечник* – 'участковый инспектор').

Формируются частные концептуальные модели (например, ассоциация современных контролирующих органов с такого рода органами

прошлого: 'работник милиции' – *вахмистр, городовой, жандарм, казак*).

Характерная особенность сленга – большое число шутивно-ироничных номинаций, где властные структуры получают номинацию по антонимическому принципу – через социально не престижные профессии, низкие должности и т.п. (ср.: *ассенизатор* – 'правительственная машина'; *гробовщик* – 'чиновник'; *кухарка* – 'женщина-руководитель'). Формирование каждого отдельного переносного значения имеет достаточно четкую мотивацию (ср. реплику В.И. Ленина о том, что «каждая кухарка сможет управлять государством»). Но в целом явно прослеживается негативное и неуважительное отношение к власти со стороны носителей сленга.

Таким образом, социоморфная метафора власти устойчиво используется для оценочной характеристики различных явлений той же социальной сферы, нравственных, моральных качеств личности. Формируемые в литературном языке концептуальные модели используются и в современном сленге, однако здесь есть целый ряд специфических особенностей, которые, с одной стороны, являются проявлением активных процессов в современном русском языке в целом, а с другой – отражают картину мира носителей сленга.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). – Саратов, 1998.

Балашова Л.В. Социальная метафора и языковая картина мира (на материале русского языка XI–XX вв.) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – М., 2001.

Балашова Л.В. Отец или Владыка, чадо или раб? (Концепты адресата и автора в жанре утренней и вечерней молитвы) // Жанры речи. Вып. 3. – Саратов, 2002.

Балашова Л.В. Социальная метафора в диахронии (на материале лексики, противопоставленной по шкале «свой» – «чужой») // III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: В 2-х ч. Ч. 2. – Челябинск, 1999.

Балашова Л.В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса // Политическая лингвистика. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006.

Балашова Л.В. Социальные иерархические отношения в пространственной системе координат (на материале русской метафоры в диахронии) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 4. Власть и речь. – Саратов, 2004.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004а. № 2.

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004б.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.

Трубачев О.Н. Славянская этимология и праславянская культура // Историко-культурный аспект лексикологического описания языка. – М., 1991. Ч. 1-2. Ч. 1.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации – Екатеринбург, 2003а.

Чудинов А.П. Новые русские метафоры // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке – Екатеринбург, 2005.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003б.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П., Будаев А.В. Концептуальные исследования в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

© Балашова Л.В., 2010